

Спустя несколько дней Ань Цзыянь наконец пошёл на поправку. В тот же день они с Чоу Хуайшэном снова отправились на дальний склон горы собирать травы. Теперь Цзыянь уже не нуждался в подсказках: он и сам прекрасно знал, как выглядит то или иное растение и какими свойствами обладает. Повесив за спину плетёные короба, юноши присели на корточки, высматривая среди зелени нужные стебли.

— Брат Хуайшэн, разве Истинный владыка Сюаньцин не разбил в обители целый аптекарский огород? — спросил Ань Цзыянь. — Зачем же мы ищем эти травы на диком склоне?

Полгода назад Цзыянь уже бывал там вместе с Хуайшэном. Огород раскинулся на соседней вершине — огромный, ухоженный, засаженный диковинными растениями, о которых он прежде даже не слышал. Самые редкие из них оберегали пуще золота, но росли там и обычные, неприхотливые травы. Тот же очиток видный, который они выкапывали прямо сейчас, рос на ухоженных грядках в избытке, но они почему-то упорно искали его среди диких зарослей.

— Дикорастущие травы сильнее тех, что выращены заботливыми руками, — объяснил Чоу Хуайшэн. — А запасы с огорода мы бережём на крайний случай. Для выплавки пилюль уходит уйма сырья, особенно когда наставник пробует новые рецепты. Пока есть возможность собрать целебные корни в лесу, мы стараемся лишний раз не трогать грядки.

— Вот оно что, — кивнул Цзыянь. — В последние дни мы только и делаем, что собираем корни. Неужели владыка Сюаньцин опять затеял выплавку по какому-то новому рецепту?

Цзыянь не был учеником старого даоса, но прекрасно знал, сколько припасов ежедневно сгорает в печах плавильни. Стоило наставнику увлечься новыми изысканиями, как расход трав увеличивался в разы. К счастью, гора Небесного Духа была щедра на дары. Истинный владыка Сюаньцин обладал редким даром: любой сорняк, который обычные люди безжалостно вырывали и выбрасывали, в его руках превращался в бесценное снадобье. Для старого мастера вообще не существовало бесполезных растений — в каждой травинке он видел сокрытую силу.

— Похоже на то. Я и сам давно не видел наставника, — отозвался Хуайшэн. — Сходить на дальний склон меня попросили старшие братья из Зала Лекарств. Всеми делами заправляют те, кто несёт службу у печей, посторонних туда не пускают. Но судя по тому, как быстро пустеют кладовые, старик действительно задумал нечто грандиозное. Наверняка этот очиток, что мы сейчас собираем, пойдёт в дело как один из главных элементов.

Стояла середина лета — пора цветения очитка. Склон горы устилал сплошной ковер из его нежно-розовых бутонов. Зрелище завораживало, но увлечённые работой юноши едва ли замечали красоту вокруг. Впрочем, гора Небесного Духа не зря звалась Священной: здешние пейзажи в любое время года могли лишить дара речи. Сменялись сезоны, но гора неизменно утопала в цветах и оглашалась звонким пением птиц, так что к этой роскоши они оба уже успели привыкнуть.

— Ну вот и всё, пожалуй, хватит на сегодня. Пора возвращаться, — сказал Хуайшэн.

Плетёные короба незаметно наполнились до краёв. Свежесрезанные, полные сока стебли весили прилично. Для хрупкого Цзыня такая ноша была тяжела, но Хуайшэну, который каждый день изнурял себя тренировками, этот вес казался пустяком.

— Давай сюда свой, — Хуайшэн без труда подхватил обе корзины и уверенно зашагал по тропе к монастырю. Цзынь поспешил следом.

Цзынь шёл не торопясь. Прожив здесь больше года, он перестал удивлённо озираться по сторонам, как в первые недели, но величие здешней природы всё ещё заставляло его замедлять шаг. Хуайшэну волей-неволей пришлось подстроиться под его неспешный темп.

— Брат Хуайшэн... — тихо позвал Цзынь, глядя под ноги. — Ты когда-нибудь думал о том, что будет, когда ты спустишься с горы? Ну... о женитьбе? Ты ведь такой красивый и умный. Уверен, любая девушка сочла бы за честь стать твоей женой.

В груди защемило. Цзынь сам не понимал, зачем завёл этот разговор. Весь этот год Хуайшэн неотлучно заботился о нём, защищал, и незаметно для себя самого он привязался к нему так сильно, что сердце замирало при каждом случайном прикосновении. Рядом с Хуайшэном он чувствовал себя по-настоящему счастливым. Вот и сейчас он нарочно замедлял шаг вовсе не ради прекрасных видов — ему просто хотелось, чтобы эта дорога обратно в обитель длилась как можно дольше.

Хуайшэн, разумеется, и не догадывался о смятении в душе спутника. Вопрос застал его врасплох. О подобных вещах он никогда всерьёз не задумывался. Он знал, что не останется на горе Небесного Духа навсегда. Как только долг крови будет уплачен, а убийцы матери — наказаны, он вернётся к мирской жизни, остепенится и обзаведётся семьёй. В стране Юй его ровесники давно нянчили собственных детей, и если Хуайшэн порой и размышлял о будущем, то лишь мимолётно, неизменно отгоняя эти мысли с лёгкой усмешкой.

— О чём-то таком мне думать пока недосуг, — улыбнулся Хуайшэн. — Но если встречу подходящую девушку, отчего бы и не привести её в дом? С чего это ты вдруг завёл такие разговоры?

— Да так, пустяки... — Цзынь поспешно отвёл взгляд. — Просто на днях пришло письмо из дома. Пишут, что Цзыпин женился ещё в прошлом месяце. Вот я и подумал... а как же ты?

— Женитьба — дело нужное, куда ж без этого, — хмыкнул Хуайшэн. — А сам-то что? Небось, когда вернёшься в столицу, твой отец и папа уже выберут тебе невесту. Наверняка подыщут какую-нибудь красавицу из знатного рода, чтобы подходила тебе по положению. Сыграете пышную свадьбу, заживёте душа в душу.

Хуайшэн обернулся и весело подмигнул другу. Он заметил, как щёки Цзыня залил густой

румянец, сменившийся бледностью. Юноша явно смутился.

Каждое слово Хуайшэна отдавалось в сердце Цзыяня тупой болью. Грудь сдавило, дышать стало трудно.

— Брат Хуайшэн, ты разве забыл? — тихо, с грустной улыбкой произнёс он. — С моим здоровьем негоже заглядываться на чужих дочерей. Зачем губить жизнь безвинной девушке? Видно, суждено мне вековать одному.

В этих словах сквозила горькая покорность судьбе. Цзыянь больше не мог обманывать себя: он действительно полюбил Хуайшэна. За все свои шестнадцать лет он впервые испытывал к кому-то подобное чувство — робкое и нежное. Но Хуайшэн грезил о будущей жене, о тихой семейной пристани. А значит, это чувство должно быть сокрыто в самых глубоких тайниках души и никогда не увидеть света.

Увидев, как увяла улыбка на лице Цзыяня, Хуайшэн мысленно обругал себя последними словами. Как он мог позабыть о слабом здоровье юноши и так глупо разбередить его рану? Руки были заняты тяжёлыми коробами, и он даже не мог ободряюще приобнять друга за плечи.

— Да брось ты, — поспешно попытался исправить оплошность Хуайшэн. — Какая разница? Если никого по душе не встретишь, будем жить вместе. Будешь делить со мной кров и стол. Вот только боюсь, королевский дворец тебе милее глуши, и звание наследника ты ни на что не променяешь!

Он весело рассмеялся, но почувствовал, что затёкшие пальцы уже не держат лозу. Поставив короба прямо на придорожную траву, Хуайшэн принялся разминать уставшие плечи и растирать запястья.

Цзыянь тоже остановился. Предложение Хуайшэна — жить вместе, делить одну судьбу на двоих — прозвучало так сладко, что у него на миг перехватило дыхание. Но за шутливым тоном скрывалась суровая правда: на плечах Цзыяня лежал неподъёмный груз. Статус наследника принца-регента не был прихотью, от которой можно отмахнуться. Это был его долг, его предназначение. Отец возлагал на него огромные надежды. Если бы не эта слепая вера в первенца, титул давно перешёл бы к младшему брату, Цзыпину, ещё во времена, когда сам Цзыянь едва дышал на постели болезни. Он не мог подвести отца.

Действительно, в этом мире нельзя получить всё и сразу. Нельзя удержать в руках и долг перед семьёй, и робкое личное счастье.

— Будет тебе зубы заговаривать, брат Хуайшэн, — Цзыянь заставил себя улыбнуться, стараясь, чтобы голос звучал как можно беззаботнее. — Ты заведёшь семью, будешь нянчить детей, а я стану путаться под ногами? Нашёл время для шуток.

Каждое слово давалось с трудом, горло сдавило спазмом от собственной лжи. "Дело не в том, что я не хочу быть с тобой, — кричала его душа. — Я просто не имею права".

— Верь в судьбу, — Хуайшэн легонько потрепал Цзыня по макушке, словно подбадривая младшего брата. — Ты обязательно встретишь того, кто будет дорожить тобой больше жизни. Твой человек уже где-то ходит по этой земле, ждёт встречи.

С этими словами Хуайшэн вновь подхватил короба и ходко зашагал по тропе. Цзынь опомнился, лишь когда расстояние между ними увеличилось до пары десятков шагов, и поспешил догнать спутника.

Оставшуюся часть пути они проделали в молчании. После столь зыбкого разговора слова казались лишними. Цзынь чувствовал себя неловко. Осознание того, что его привязанность к Хуайшэну переросла в нечто большее, лишило его покоя. Стоило их взглядам случайно пересечься, как он испуганно отворачивался, уставляясь на придорожные кусты, а в груди поднималась такая бешеная дробь, что не зная он истинной причины, непременно решил бы, будто застарелый недуг вновь подбирается к его сердцу.

Едва ворота монастыря захлопнулись за их спинами, Цзынь не стал, как обычно, помогать Хуайшэну относить травы в Зал Лекарств. Сославшись на внезапную усталость и слабость, он поспешил укрыться в Павильоне Хранящем Облака.

Оказавшись в своей комнате, он без сил опустился на постель, но сон не шёл. Стоило прикрыть глаза, как в ушах вновь начинали звенеть слова Хуайшэна о скорой женитьбе и будущей семье. Грудь сдавило глухой тоской, и прохладный сумрак комнаты не приносил облегчения.

Хуайшэн, оставшись один, тоже не находил себе места. Он отчётливо почувствовал, что со спутником творится неладное, но никак не мог понять, где оступился. Опасаясь, как бы у Цзыня не случился очередной приступ, он наспех сдал травы послушникам в Зале Лекарств и поспешил обратно в Павильон Хранящий Облака. Ему во что бы то ни стало нужно было выяснить, в чём причина такой резкой перемены.

Он буквально взлетел по ступеням павильона и тихонько приоткрыл дверь в покои Цзыня. Юноша лежал на кровати, отвернувшись к стене и мерно дыша. Хуайшэн подошёл ближе, вглядываясь в его бледное лицо, и озадаченно нахмурился.

"Неужели мне просто показалось?" — подумал он.

Если бы у Цзыня действительно лежала на сердце какая-то забота, вряд ли он уснул бы так быстро. От Зала Лекарств до павильона — пути всего ничего, от силы пара минут. С тяжёлыми мыслями люди обычно долго ворочаются с боку на бок, а тут — крепкий, безмятежный сон. Должно быть, парень просто выбился из сил во время долгой прогулки.

Чего Хуайшэн не мог знать, так это того, что ещё мгновение назад Цзынь метался по постели,

комкая простыни. Услышав шорох открывающейся двери, он испуганно замер и зажмурился, притворяясь спящим. Сердце колотилось в ушах испуганной птицей. Он любил стоявшего рядом человека всей душой, но сама мысль о том, что сейчас придётся посмотреть ему в глаза и заговорить, приводила его в ужас.

"Уходи, пожалуйста, уходи..." — мысленно молил он, боясь выдать себя случайным вздохом или дрожью ресниц. Цзыянь понимал, что глупо прятаться — под одной крышей век не просидишь взаперти, рано или поздно придётся столкнуться лицом к лицу. Но сейчас ему отчаянно требовалось время. Побывать одному, разобраться в хаосе мыслей и чувств. Вдруг это вовсе не любовь, а лишь глубокая привязанность к тому, кто спас его от смерти? Нужно успокоиться. Всего лишь переждать бурю.

В тишине раздался тихий, едва различимый вздох Хуайшэна. Шаги его удалились, и дверь с мягким щелчком затворилась. Только тогда Цзыянь медленно открыл глаза и шумно выдохнул, чувствуя, как напряжение постепенно отпускает натянутые до предела нервы.

"Он никогда не должен узнать. Ни единым словом, ни намёком я не выдам себя. Нельзя обременять его своими чувствами, нельзя ставить его в неловкое положение".

Утвердившись в этом решении, Цзыянь повернулся на бок и снова закрыл глаза. На этот раз сон действительно увлёк его за собой в спасительное забытие.

<http://bllate.org/book/18341/1804422>